

РОЛЬ РЕЦИПРОКНЫХ И РЕДИСТРИБУТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА

А.Д. Абдулаев

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург*

Рассматривая городскую среду как социальное пространство для эффективных коммуникаций, крайне важно учесть факторы, влияющие на эффективность подобного социального взаимодействия. Учитывая, что город является неоднородным пространством, в том числе с позиции распределения социального капитала как совокупности социальных связей индивида - результата коммуникации - возникает вопрос, связанный с мерой влияния объединения индивидов в городские локальные сообщества на специфику и эффективность коммуникации в рамках города.

Самым формализованным инструментом изменения социальной действительности выступает социальная практика - «вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам» [1].

В урбанистике выделяют две наиболее обширные группы практик: городские и сельские. Исходя из исследований Л. Вирта [2], в реальной жизни не существует «подлинно городского населения», так как переход от сельского жителя к городскому не только не завершен, но и подразумевает наличие остаточных явлений предшествующих форм человеческих ассоциаций. Обращаясь к концепции П. Бурдьё касательно формирования практики [3], нужно заметить, что ее стабильность обусловлена наследованием и аккумуляцией определенных шаблонов поведения, связанных со специфичными формами хозяйствования и социального взаимодействия. Также немаловажную роль играет относительная стабильность социального капитала, что в произведении дает совокупную устойчивую модель поведения конкретного жителя, позволяющую отнести его к преимущественно городскому либо сельскому.

Характерной чертой, позволяющей выделить сельскую практику в рамках экономического действия, как действия, направленного на других, в том числе с позиции экономической социологии, можно считать реципрокность - движение предмета обмена на основании взаимности между субъектами, принадлежащим к симметричным группам [4, с. 229]. При этом именно они аккумулируют и выражают социальную солидарность, тем самым обеспечивая определенную меру стабильности посредством роста укорененности как производства доверия между партнерами и сдерживанием мошенничества [4]. Также реализуется один из важнейших социальных процессов - установление или подтверждение социальных связей индивидов или групп.

Реципрокные отношения исторически являются предшественниками рыночных, редистрибутивных. В соответствии с теорией Д. Норта, описанной Д. Нелиным [5], они возникли по причине перехода от открытого доступа к ресурсу к системе исключительной коммунальной собственности на блага. Данное обстоятельство привело к возникновению социального фильтра, способствующего допуску к ресурсам определенных субъектов социально-экономических отношений. Следствием стал поиск альтернативы насильственным приемам захвата ресурса, которой стал «дар», «одаривание». Однако К. Поланьи [6] выявляет отсутствие связи между доминированием реципрокных отношений с определенными стадиями развития общества, утвержденными в марксизме. Они доминируют каждый раз, когда общество исключает получение выгоды в качестве основной цели своей жизнедеятельности, что делает собственность «роскошью», со всеми атрибутами «субсидиарности» (уплата налогов, коммунальные расходы, безопасность, инвестиции, декларирование и т.п.) [7, с. 155].

Исходя из сказанного, отличительным критерием между двумя видами практик является прибавочная стоимость как разница между созданной в процессе труда новой стоимостью (превышение трудовой стоимости товара над стоимостью ранее овеществленного труда), выражающаяся в сохранении, приумножении и воспроизводстве капитала, которая предполагает помимо выгоды инициатора отношения в том числе определенный путь продукции через несколько владельцев и претерпевание объектом отношения некоторых преобразований, связанных с возникновением прибавочной стоимости.

Также отличительной чертой является общественная целевая установка на получение либо неполучение выгоды в процессе социально-экономических отношений как главной цели. При определении характера отношений представляется возможным определить соответствующую преобладающую данным отношениям социально-экономическую практику, что позволит в определенной мере дифференцировать жителей города, определив специфику социальных групп в зависимости от актуализированного набора практик в определенной зоне.

В Санкт-Петербурге происходит формирование устойчивых локальных сообществ, выстроенных по территориальному принципу, объему и концентрации социального капитала, а также видам социально-экономических практик. Такой способ распределения, вызывающий неоднородность городского пространства, не является антипозитивным, так как при отсутствии яркой выраженности данного феномена, подобная различность, являясь средством адаптации, в том числе к специфичной социальной среде района, с наибольшей эффективностью удовлетворяет потребности конкретных групп населения. Подобное распределение свойственно многим городам во всём мире, однако опыт показывает, что чем развитей социально-экономическое положение, тем более бесконфликтно проходит изоляция в локальные образования (Нью-Йорк, Лондон), в иных случаях, когда экономика города не позволяет чувствовать себя комфортно в жизненных условиях, данные процессы приводят к трайболизму (Дурбан, Детройт). Рассматривая с данной позиции Санкт-Петербург, на сегодняшний день город нельзя характеризовать высокой развитостью и благосостоятельностью своих жителей. Вследствие этого интенсивно происходят переходы к сегрегированию и появлению локальных сообществ, выстроенных по территориальному принципу, что становится угрозой для дальнейшей интеграции города в глобальную систему экономического распределения капитала.

Положительной чертой подобных сообществ внутри города является социальная близость к узкому кругу жителей, доступность благ, лёгкая управляемость. Также можно выделить отрицательные черты: самоизолированность, увеличение социальной дистанции к другим территориям города, проявление лениности (по М. Рингельману), наличие символической власти на объекты благ внутри района.

Рассматривая данный вопрос с позиции М. Грановеттера, подобные сообщества отдают предпочтение ближним связям, реализуя дальние только в случае исключительной необходимости, вызванной критическим положением члена группы или сообщества в целом. Подобная изолированность коммуникации относительно внешней среды приводит к еще большей степени изоляции, создавая пограничное положение между нормальным функционированием города и переходом мест обитания отдельных локальных групп жителей в состояние трайболизма.

Для подтверждения высказанных предположений было проведено эмпирическое исследование, заключающееся в изучении локальных сообществ в центре Санкт-Петербурга и поиске возможных связей их существования в материальной составляющей города. Воспользовавшись геоинформационным сервисом «Spllivehoods», выполненным QULLAB - Лабораторией качества городской жизни Университета ИТМО, визуализирующим результаты исследования «естественных» границ ареалов обитания горожан на основании алгоритма кластеризации данных о чекинах пользователей с выделением метрик пространственной близости и социальной схожести городских заведений [8], была выбрана центральная часть города радиусом 4-5 километров. Авторами концепции сайта были выделены самоопределяемые зоны жителей в состоянии трайболизма, что отражено на рис. 1.

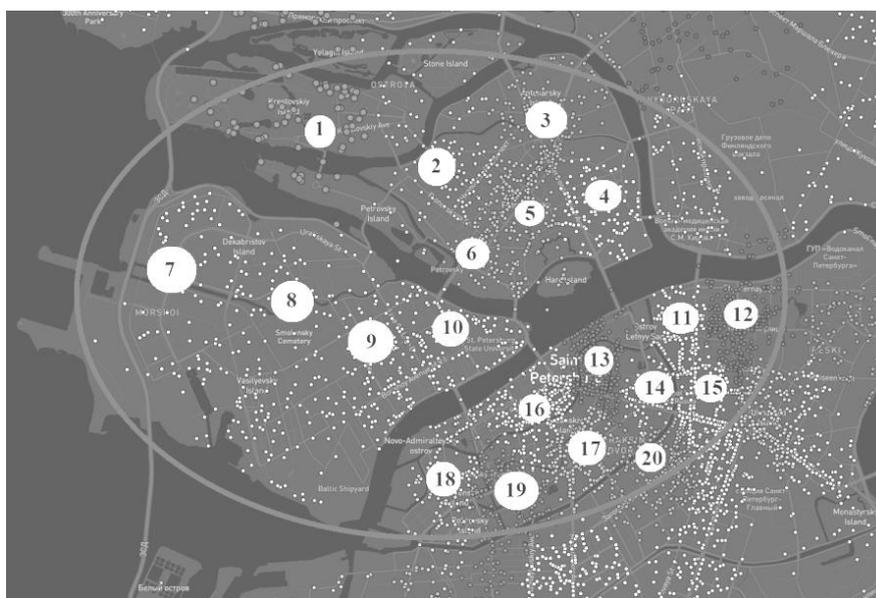

Рис. 1. Территории самоопределяемых зон обитания горожан (QULLAB - Лаборатория качества городской жизни Университета ИТМО [8])

С учетом обозначенных авторами сайта критериев была подсчитана общая концентрация геолокаций в зоне, что позволило определить их удельный вес для каждого ареала с учетом специфики городской жизни. Через относительное отклонение от среднестатистического показателя определено концентрирование,

имеющее тенденцию к специализации, то есть акценту на развитии заведений в определенной сфере. Данные показаны на рис. 2.

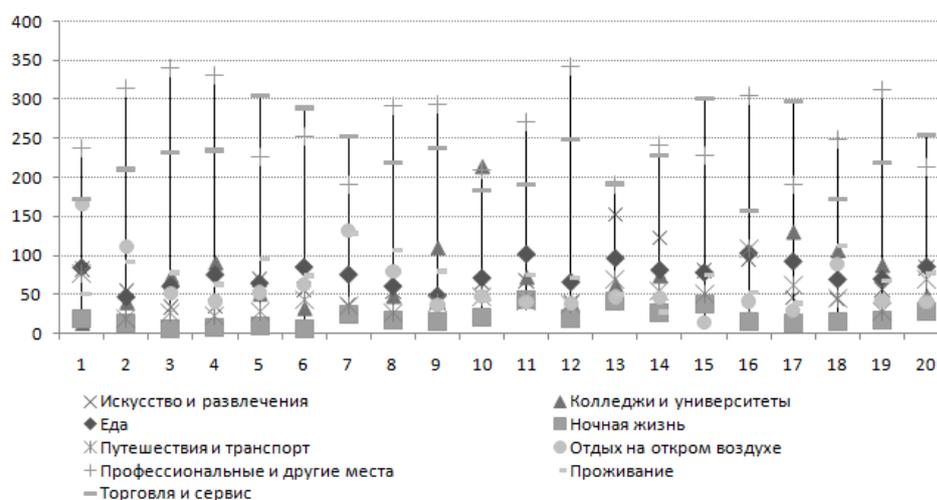

Рис. 2. Выявление относительного отклонения от среднестатистического показателя всей совокупности метрик пространственной близости городских заведений (составлено автором)

С целью уточнения результатов было выявлено относительное отклонение к медианному показателю, позволившее определить распределение городских заведений разных сфер по самоопределяемым зонам обитания горожан. Итог расчётов визуализирован на рис. 3.

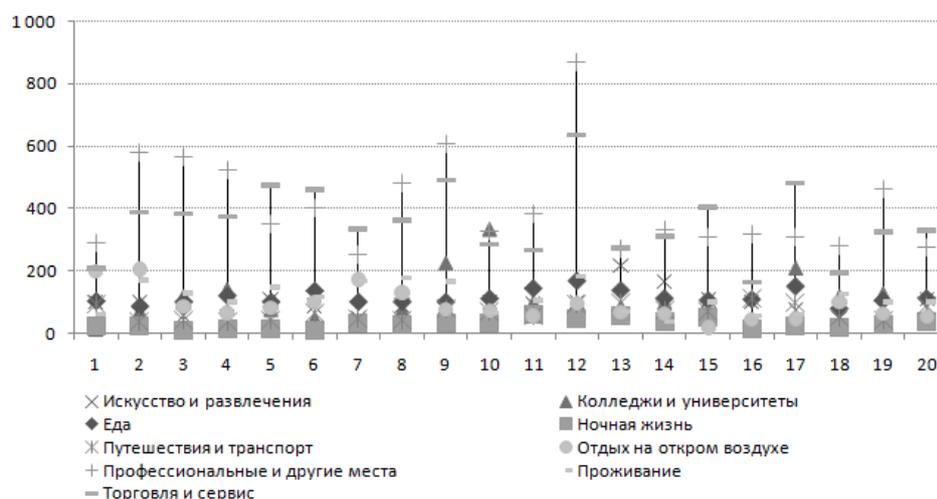

Рис. 3. Распределение заведений в относительном отклонении от медианного показателя пространственной близости (составлено автором)

В соответствии с полученными данными в большинстве замеров отклонения стабильно наблюдались у ареала под номером 12, что дает возможность сделать предположение о внутренней специализации зоны обитания. Возвращаясь к коммуникациям и установлению социальных связей в городской среде, в определенной мере можем предположить концентрацию ареалов с высоким уровнем специализации горожан с соответствующими характеристиками труда, ориентированными на углубление трудовых компетенций в соответствии со специализацией самоопределяемых зон обитания жителей мегаполиса.

Рассматривая результаты исследования, исходя из такой дефиниции, введённой Чарлзом Кули, как самость (self) [9], в особенности делая акцент на его самостоятельно определяемых функциях «стимулятора и консолидатора всевозможных особых деятельностей индивидов», с учетом «существования его агрессивных форм», можно сделать вывод о ярком проявлении акторами самости, объективирующей в вернакулярных районах как факте «присвоения (appropriateness) объектов общего желания с целью обеспечения собственного развития, а также ресурсного потенциала для противодействия по отношению к другим потенциальным претендентам на владение ресурсом». Полученные эмпирические данные позволяют

предположить возможность сложения однонаправленных стремлений индивидов, позволяющих уже говорить о самости как в том числе коллективном явлении, свойстве локальной группы.

Важно понимать полярность деления на вернакулярные районы и возможности развития данного процесса, как в положительном, так и в отрицательном направлении. К отрицательным чертам развития вернакулярных районов в полной мере можно отнести риск возникновения трайболизма как проявления агрессивной самости жителей самоопределяемых территорий.

Исходя из полученных результатов, можно говорить о ярко выраженной специализации ряда отдельных районов, а также их совмещении в более сложные городские структуры. Выявив материальный аспект, выраженный в самоопределяемости ареалов обитания, также необходимо изучить нематериальную составляющую, выраженную в специфике взаимоотношений, как внутри локальных групп, так и между ними. Также важно обеспечить подтверждение полученных данных их соотношением с количеством жителей в каждом из ареалов по причине несоответствия границ выделенных зон административным. Возможно, данное несоответствие и станет ответом на вопрос гармонизации городского пространства.

Данные исследования позволят в большей мере понять специфику коммуникации групп, что обеспечит в долгосрочной перспективе гармоничное развитие городского пространства, в том числе через рост степени удовлетворенности населения городским местообитанием посредством восходящей вертикальной мобильности жителей мегаполиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 2005. 576 с.
2. Вирт Л. Избранные Работы по социологии. Сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; Пер. с англ. Николаев В.Г.; Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2005. 244 с.
3. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: SocioLogos, 1993. 336 с.
4. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. №3. С. 44-58.
5. Нелин Д. В. Экономическая роль отношений реципрокности // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее: сб. / общ. ред. Р. М. Нуреев. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 287-291.
6. Карл Поланьи, пер. М.С. Добряковой Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. №2. С. 62-73.
7. Муфтахова А.Н. Территориальная мобильность в странах Евросоюза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т.14. №1. С. 145-160.
8. «Spblivehoods» - геоинформационный сервис QULLAB - Лаборатория качества городской жизни Университета ИТМО // URL: <https://spblivehoods.github.io>.
9. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 172-179.